

Федор Бакшт

Эрик попросился к нам на сезонную работу, прослышав про то, что мы едем на Север, на действующий золотой рудник.

— Хочу увидеть природное золото, — заявил он мне. — Тридцать лет прожил, много слышал об этом презренном металле, читал, думал, но никогда не видел его в натуре. Так возьмите меня с собой на лето, хоть рабочим. Могу варить, ходить в маршруты, копать канавы.

У него были хорошие рекомендации. Не пьет, не курит, физически вынослив. Высшее философское образование. Имеет опыт работ в экспедициях, то есть будет хорошим помощником в поле. Но не без странностей: задумчив, замкнут, склонен к непонятным размышлениям, иногда уходит в себя.

— Но это все не страшно, — заверили меня знакомые геологи. — Главное — исполнительный и порядочный.

В особенностях характера Эрика мы вскоре убедились. Он удивлял нас способностью спать целыми днями, неразборчивостью в еде и манерой задавать совершенно неожиданные вопросы

В этом мы убедились вскоре. Когда спустились в шахту, в один из заброшенных ортов на горизонте 340-го метра, он вдруг вопрошает:

— Федор Борисович, вы интеллигентный человек? Или, по крайней мере, себя считаете

им?

— Да, считаю, — отвечаю я, насторожившись в ожидании какого-то подвоха. — А почему возник такой вопрос?

— Так вы бумажку и окурок на землю бросили.

— Ну, и что из этого?

— Так нехорошо это. Посмотрите кругом, нигде ни одной бумажки не видно.

— Так откуда здесь взяться бумажкам, канцелярскому мусору? И куда мне теперь ее девать, испорченную этикетку, в карман, что ли?

— Разумеется, положить в карман. Или в рюкзак, тоже можно.

— Но эта отработанная выработка подлежит обрушению или закладке породой. К тому же и другого мусора, а то и настоящего человеческого дерьма здесь и без нас хватает.

— Да, да, вы правы, — отвечал мне Эрик. — И сгниет эта бумажка здесь очень быстро. Но все же бросать под ноги нехорошо.

После этой короткой дискуссии мы оба замолчали.

Однажды, сидя рядом со мной на высоком крыльце, выходящем во двор одного из общежитий поселка золотодобытчиков, он вдруг спросил:

— Федор Борисович, что вы сейчас видите перед собой?

— Где, где?

— Ну, прямо перед собой, главное, что бросается в глаза?

— Как что? Естественно, туалет общественный, типа сортира, на четыре очка.

— Фу, какой примитив.

— А что же я должен увидеть?

— Многое, но не отхожее же место.

— Например?

— Поселок, шахту внизу, фабрику повыше, горы с лесом еще выше.

— Да, все так. Но в лесу-то кладбище, — уже почти раздраженно парировал я. — И к чему все это?

— А вот к чему: смотреть — это не всегда значит видеть.

О последнем афоризме я напомнил ему уже на следующий день.

Мы продолжали детальное опробование стенок вчерашнего орта. И он снова обратился ко мне с вопросом:

— У нас перерыв скоро будет?

— Не скоро, через час-полтора, когда закончим описывать эту стенку.

— Жаль. Но ничего, я потерплю.

— Что случилось? Заплохело?

— Да, живот крутит. Наверное, после вчерашней свиной тушенки. Очень жирная была.

— Ну, это не проблема. Надо облегчиться. Отойдите за угол, подальше, и все дела.

— Но мы же интеллигентные люди. Как можно, за угол. Если позволите, пойду в туалет.

— Так до него идти минут десять-пятнадцать, чуть ли не до главного ствола.

— Ну, и что. Пойду.

— А вы хоть помните, где он находится?

— Хорошо помню, — уверенно ответил Эрик. Потом, немного подумав, добавил:

— Да, помню отлично.

— Идите, — после недолгих сомнений разрешил я. — Но не задерживайтесь.

Эрика не было почти час. Я передумал уже все: что у него очень заболел живот, и он продолжает сидеть в туалете; что его соблазнила сексуальная врачиха в подземном медпункте; что он сбежал с работы и один поднялся наверх; что он гуляет по шахте, знакомясь с ней для расширения кругозора; что, наконец, он забрел куда-то и свалился в незакрытый рудоспуск.

А если его просто кто-то встретил, одного, без положенного сопровождающего?

Я уже пожалел, что отпустил его одного. Надо было послать с ним кого-то из студентов, работавших в соседнем квершлагге. Или пойти с ним самому.

Что делать?

Эрик появился со словами:

— Простите, ради бога. Я заблудился. А в остальном все в порядке.

— Но туалет-то вы нашли?

— Конечно. Я же хорошо помню, где он находится.

— А где же вы гуляли больше часа?

— Искал вас всех. На обратном пути никак не мог найти этот чертов орт. Я зашел в другой квершлаг, потом в какой-то штрек, а потом повернул и оказался в тупике, где стоят вагонетки и какая-то большая гусеничная машина. Тут я вспомнил, что вы говорили: в шахте невозможно окончательно заблудиться. Надо идти вниз и вниз, только туда, куда бежит вода или куда ведут рельсы. Вот так.

— Молодец. А теперь давай, продолжим нашу работу.

Отработав до конца смены, мы неспешно собрались и пошли на подъем.

По дороге, уже в откаточном штреке, флегматичный Эрик вдруг оживился:

— Вот здесь я уже сегодня был. Да, точно здесь, около ниши, в которой стоят два ящика.

— Так ящики могут стоять у многих штреков, — заметил я. — Но номер-то квершлага совсем другой. Здесь 62-й, а мы были в 72-м.

— Да, и в самом деле, другой. Я как-то не обратил на это внимания. Еще раз простите.

— Ничего. Могло быть хуже. Все хорошо, что хорошо кончается, — ответил я. И не смог удержаться от ехидного замечания:

— Да, вы правы. Смотреть — это не значит видеть. И надо знать, что хочешь видеть, и что именно сейчас нужно видеть.

Взглянув на часы, я заметил, что у нас в запасе есть пятнадцать минут. И предложил:

— Ну, если так, то зайдем в этот 62-й квершлаг, раз Эрик здесь уже побывал. На подъем мы успеем. Насколько я помню, тут как раз начали нарезать очистные выработки хорошего рудного блока. Посмотрим, что там видно.

Через несколько минут мы добрались до забоя, то есть до конца выработки. Перед нами громоздилась куча породы. Точнее, не просто породы, а хорошей руды, отбитой в предыдущую смену. Рудная масса еще не просохла после противопылевого орошения и вентиляции. Постоянного верхнего освещения здесь не было, но даже в слабом свете наших аккумуляторных ламп на фоне почти черных сланцев и грязно-серого кварца отчетливо просматривались блестки желтого пирита и свинцово-серого арсенопирита.

К нашему приходу выработка была хорошо проветрена, запаха газа не было. Породопогрузочная машина на гусеничном ходу стояла поодаль, в устье квершлага, около вагонеток — там, где начинались рельсы откаточного пути. Горняков поблизости не видно.

Через кучу обломков мы пробрались вплотную к забою. Рассматривать свежую, хорошо промытую и еще не запыленную поверхность породы всегда интересно. Здесь, как раз в контакте кварцевой жилы с черными пиритизированными сланцами, и находилась хорошая, богатая рудная зона.

Приглядевшись, мы без особых усилий рассмотрели ярко-желтые пятнышки, отливавшие в свете наших ламп светлым маслянистым блеском. На всей площади в пять квадратных метров их было не очень много, всего с десятков зерен. Но зато каких крупных, до пяти-десяти миллиметров в поперечнике, хорошо ограненных, с четко очерченными краями.

Мне всегда было интересно наблюдать за реакцией новичков, впервые увидевших простое золото. Не то золото, которое демонстрируется в музеях или ювелирных магазинах, а подлинно «живое» природное золото, которого еще не касалась рука человека.

— Вот оно, настоящее видимое золото, — показал я своим спутникам. — То самое золото, ради которого, собственно, и создано все это сооружение, то есть шахта,

рудник, поселок.

— Это и есть настоящее золото? — удивленно, каким-то изменившимся голосом спросил Эрик.

— Да, самое настоящее, то самое, которое нас с вами сейчас кормит. И еще многих людей. А в его подлинности можете убедиться сами, прямо здесь, сейчас.

— Как это?

— Надо поцарапать зернышко чем-то острым, например, иголкой или ножом. Ведь этот металл мягкий, ковкий и сталь на нем оставит хорошо заметную царапину.

Студенты и вместе с ними Эрик тут же принялись усердно царапать острым ножом золотые лепешечки, многократно убеждаясь в подлинности золота. Они, все трое, видели «живое» золото впервые в жизни. Как настоящие геологи, они достали свои минералогические лупы и принялись рассматривать сверкающие зернышки. А я заметил, что Эрик молча отошел назад, поднял с подножия кучи отбитой горной массы большой кусок руды и стал внимательно разглядывать его, поворачивая в разные стороны при свете лампы.

Но вскоре студентам это надоело, и один из них потянулся за геологическим молотком.

— Сейчас отобьем себе сувениры на память, — мечтательно сказал кто-то.

— Не стоит этого делать, — заметил я. — И вообще, нельзя этого делать.

— Федор Борисович, где еще мы увидим такое. Мы немножко, по маленькому кусочку.

— Нельзя. Не полагается. И это грех, если угодно.

— Мы никому не скажем.

— И вы не боитесь, что нас с вами тут же поймают?

— А мы быстро, пока нас никто не видит.

— Но мы же не первые в этом забое. И не самые внимательные. Представьте себе, что мы уходим, а за нами следом сюда приходит горный мастер. И сразу замечает, что каких-то золотинок нет. Соображает, что здесь могли быть только студенты. Бежит к телефону, который здесь, за углом, в откаточном штреке. Потом звонит на подъем, на рудный двор. И нас там уже ждут. Представляете, что будет?

— Представляем. Но все же очень жаль, больно уж велик соблазн, — честно признался Саша. — А если очень надо, то все же можно отобрать здесь образцы?

— Конечно, можно, — отвечал я. — Но только по всем правилам, установленным для обращения с валютным металлом. Мы все же профессионалы.

— То есть как это?

— Очень просто: надо доложить начальству. Оно, скорее всего, только завтра пришлет сюда комиссию из специально назначенных лиц. Их будет не менее трех — геолог, горный мастер и представитель бухгалтерии. Они отобьют все видимое золото, пересчитают образцы поштучно, сложат в специальные рудные мешки, опечатают их и унесут наверх. Потом все вместе, то есть комиссионно, вскроют мешки, взвесят содержимое, подробно запишут все проделанное и передадут эту руду с золотом туда, куда надо. То есть поместят ее сначала в сейф, в строго охраняемой рудничной кассе, а потом отправят или в музей, или куда-то в лабораторию, или к вам в институт. А излишки

высыпят на золотоизвлекательной фабрике в рудный бункер. Но тоже все вместе. И обо всем проделанном составят специальный акт.

— А почему именно в четырех? — философски спросил Эрик.

— Один в бухгалтерию, другой в геологический отдел, третий начальнику участка, а последний то ли в Красноярск отправят, то ли в первый отдел, то есть в спецчасть.

— Ой, как все это сложно, — с сожалением вздохнули студенты. — Так что бог с ним, с этим золотом. А сфотографировать можно?

— Можно, но тоже с разрешения начальства.

— Жаль, — снова вздохнули студенты. — Так мы хоть рядом наберем себе образцов, да?

— А вот этого — сколько вам угодно, хоть полный рюкзак. Действительно, здесь можно набрать столько чудесных музейных образцов. Но смотрите внимательно: чтобы видимого золота не было.

— Да, еще вот что. Сейчас замажем все эти блестки глиной вон из той лужи, чтобы никого не подвергать соблазну после нас. И об этом случае наверху никому не рассказывать. Понятно?

— Понятно, — с сожалением ответили все трое.

Саша с Лешей кинулись отбивать себе образцы. А наш философ равнодушно взирал на них. Золото его ничуть больше не трогало, не соблазняло.